

СЫНУЛЯ

тенивая анатомия материнской любви

Дарья Корякина

Дарья Корякина

Сынуля. Теневая анатомия материнской любви

<https://litres.ru/74476094>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Любовь не боится правды. Только то, что выдаёт себя за любовь, боится правды. Подлинная любовь — выдерживает любую правду. И, выдерживая, становится ещё большей любовью.

Если вы мужчина — вы узнаете себя. Будет больно. Но это единственный способ стать свободным.

Если вы женщина-партнёрша — вы перестанете считать себя сумасшедшей.

Если вы мать сына — у вас есть шанс. Даже в восемьдесят. И он в том, чтобы отпустить.

Если вы женщина, которая хочет стать матерью, — вы, возможно, передумаете становиться ею до определённого срока. И это будет самое честное, что вы сделаете для ещё не рождённого человека.

Разоблачение в этой книге — не ради унижения, а ради освобождения. Вещь, названная по имени, теряет свою

магическую власть. Мать, чей механизм распознан, — больше не неуловимая сила. Сын, увидевший сценарий, — больше не его заложник. Партнёрша, понявшая структуру, — больше не сумасшедшая.»

Содержание

Пролог. Почему эту книгу пишет женщина	5
Глава 1. Слово «сынуля»	8
Глава 2. Мать как первая женщина	10
Глава 3. Почему предпочитали мальчика	12
Глава 4. Чрево и другие отражения	15
Глава 5. Сознательное миротворчество как оптика	18
Глава 6. Не физический инцест — психический	21
Глава 7. Мать как неудовлетворённая женщина	24
Глава 8. Сын как компенсация мужа	27
Глава 9. Бессознательность как алиби	30
Глава 10. Любовь или использование: шесть признаков подмены	33
Глава 11. Язык как программа	36
Глава 12. «Ты должен»	39
Глава 13. «Я же тебя родила»	41
Глава 14. «Никто тебя не полюбит так, как мать»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дарья Корякина Сынуля. Теневая анатомия материнской любви

Пролог. Почему эту книгу пишет женщина

*Глубинно-психологическое исследование.
Теневая психология. Трансформационный труд.*

*Каждому, кто носит в себе имя, данное вместо
права быть собой.*

Есть вещи, которые женщина узнаёт раньше, чем понимает как называть. По тому, как мужчина смотрит в свой телефон, когда звонит мать. По тому, как в нём меняется осанка, когда он слышит её голос в коридоре. По тому, что он не защищает — не её, партнёршу, а себя самого — от тонкой, непрекращающейся работы чужой воли.

Данную книгу я пишу не для того, чтобы обвинить чью-то мать. Я пишу её для того, чтобы назвать то, что каждый из нас так или иначе видел, но чему культура отказала в имени.

Книга принадлежит единой линии моей работы — фило-

софии сознательного миротворчества. Иначе говоря: мы не объявим войну матерям, сыновьям, семьям, культуре. Мы сделаем другое — увидим. Там, где человек видит механизм, исчезает проклятие. Там, где появляется имя, заканчивается морок.

Я обещаю вам три вещи.

Первое — правду. Таковую, какой мужчина обычно не слышит ни от жены, ни от психолога, ни от друзей. Таковую, которую женщина, идущая рядом с «сыночкой-корзиночкой», узнаёт всем телом, но не может произнести, чтобы не быть названной истеричкой.

Второе — бережность. Ни одна страница не написана с целью унижить мать, партнёршу, сына. Каждая написана с целью вывести из тьмы.

Третье — путь. Моя книга — не только диагностика. В ней есть практики, маршруты, фразы, границы, инструменты. Всё, что нужно, чтобы выйти. Или чтобы, оставшись рядом, перестать быть соучастницей.

Если вы мужчина — вы узнаете себя. Будет больно. Но это единственный способ стать свободным.

Если вы женщина-партнёрша — вы перестанете считать себя сумасшедшей.

Если вы мать сына — у вас есть шанс. Даже в восемьдесят. **И он в том, чтобы отпустить.**

Если вы женщина, которая хочет стать матерью, — вы, возможно, передумаете становиться ею до определённого

срока. И это будет самое честное, что вы сделаете для ещё не рождённого человека.

Книга называется «Сынуля». Слово поставлено на обложку как улика.

Глава 1. Слово «сынуля»

*«Любовь, которая поглощает, не знает, что она
— голод».*

Язык не невинен. Язык — первая операционная система, которую ставит ребёнку взрослый, и она остаётся включённой ещё долго после того, как взрослого не станет.

Уменьшительные суффиксы в русском языке — тонкий прибор. Они умеют делать две противоположные вещи: повышать через нежность и низводить через инфантилизацию. «Доченька» и «сынуля» звучат одинаково ласково только в ухе того, кто не вслушивается.

Обратите внимание: взрослого мужчину в пятьдесят лет мать называет «сыночка», «сынуля», «сынулечка», «заинька», «мой маленький». Не «сын». Не по имени. Не «мой взрослый сын». Именно уменьшительное — потому что уменьшительное **фиксирует роль**. Оно каждый раз, каждой произнесённой буквой, возвращает тело и психику мужчины в одно и то же место — в размер, в котором он был удобен.

«Сынуля» — не имя любви - имя функции.

В зрелой материнской речи уменьшительное — редкость и праздник. Оно вспыхивает в минуту нежности и гаснет, освобождая взрослому его рост. В инцестуальной материнской речи уменьшительное — постоянная форма обраще-

ния. Запомните: важна не частота, а исключительность. Там, где «сынулечка» — единственная форма, там нет места мужчине. Там навсегда живёт мальчик.

Заметьте и второе: таких слов почти не существует для дочерей в тех же семьях. Дочерей зовут по имени и, чаще — раздражённо. «Сынуля» — эксклюзивный титул. Он означает: ты мой, ты у меня отдельный, ты у меня другой, ты у меня — мужчина. Услышьте эту последнюю фразу ещё раз: *ты у меня — мужчина*. Ещё точнее: ты у меня *мой* мужчина. И ещё точнее: *только мой*.

Именно здесь, в языке, начинается та подмена, которой посвящена вся книга. Мужчина в семье есть. Но это не муж. Сын, переодетый в мужа словарём матери.

Трезвая пощёчина

Пока взрослый мужчина откликается на «сынулю» без содрогания, он не взрослый мужчина. Он — сохранённая копия ребёнка, в которого когда-то вложили контракт. Перестаньте умиляться уменьшительным. В доме, где мужчине под пятьдесят и его до сих пор называют «зайчиком», нет мужчины. Там есть экспонат.

Глава 2. Мать как первая женщина

Есть одна формула, которую человечество произносит с таким единодушием, как будто она — аксиома: «Мать — первая женщина в жизни мужчины». Такую фразу повторяют в поздравительных открытках, в школьных сочинениях, в эстрадных песнях, в тостах. Её повторяют и сами матери — как присягу, как заклинание, как напоминание.

Она ложна.

Мать не является и не должна являться «первой женщиной» — ни символически, ни энергетически, ни психически. Мать — первая *мать*. Другая категория. Смешение двух категорий — и есть та дыра в фундаменте культуры, через которую десятилетиями протекает инцестуальная тень.

Почему смешение? Потому что слово «женщина» в этой формуле означает не биологический пол, а *партнёрскую роль*. Первая, с кем у мужчины складывается эмоциональная и телесная близость. Первая, кому он посвящает себя. Первая, ради которой он учится быть мужчиной. Если эту первую роль займёт мать — все последующие партнёрши будут приходить не в пустое, не в ожидающее сердце. Они будут приходить в занятое место. Очередь на место первой уже закрыта.

Именно поэтому формулу надо переписать — не для полемики, а для точности:

Мать — первая *взрослая*, заботой которой мужчина окружён. Мать — первая *безусловная любовь*, которая даётся без условий. Но мать не может и не должна быть первой *женщиной*, иначе сыну некуда расти.

В этом различии — ключ ко всей остальной книге. Когда мы говорим «инцестуальная мать», мы не обязательно говорим о физическом табу. Мы говорим о матери, которая *присвоила себе партнёрскую роль в психике сына*. О матери, которая предъявляет сыну то, на что имеет право только равная зрелая женщина: интимность, эксклюзивность, ревность, требование быть номером один.

Культура снисходительно улыбается подмене. Культура называет её «материнской любовью» и аплодирует. Культура поёт песни о «маме» так, как поют о возлюбленной, и не замечает, что поёт о кровосмешении — пусть и очищенном от тела.

Трезвая пощёчина

Если в вашем языке мать стоит на месте «главной женщины жизни» — у вас нет главной женщины. У вас есть мать. Это не святость. Это занятая вакансия. Пока она занята — ни одна другая женщина не сможет занять её по-настоящему, а будет вечно стоять на пороге, как просительница.

Глава 3. Почему предпочитали мальчика

Чтобы понять современный культ «сынули», нужно спуститься на несколько этажей ниже — в архивы, где хранятся причины. Современные ценности редко бывают результатом просвещения. Чаще — остаточной тенью старых необходимостей, которые давно отпали, но чьи тени ещё тянутся через века.

Почему в большинстве патриархальных культур рождение сына было предпочтительнее рождения дочери?

Первое. *Сын — рабочая сила.* В аграрной экономике дочь — временный ресурс: её вырастят и отдадут в чужую семью, потому сын нужен, чтобы пахать землю, пасти скот, охранять двор, воевать. Сын — актив, остающийся в роду.

Второе. *Сын — страховка старости.* Дочь по выходе замуж принадлежит новой семье. Сын остаётся при родителях, содержит их, хоронит. Сын — пенсионный фонд до изобретения пенсионных фондов.

Третье. *Сын — фамилия.* Он несёт имя рода дальше во времени. Без сына род «обрывается» — в той мифологии, где род важнее человека.

Четвёртое. *Сын — наследник.* Земля, скот, мастерская, статус — всё передавалось по мужской линии.

Пятое, и самое интересное. *Сын — социальный капитал матери.* В обществе, где сама женщина лишена голоса, сын становится её голосом. Через него мать получает то, что не может получить сама: вес, влияние, право быть услышанной. Её сын — её представитель в мире, куда её саму не пустят.

И вот здесь — корень.

Когда женщина лишена собственного субъектного существования, сын становится её единственной формой существования. Не любимым. Не желанным ребёнком. Не продолжением пары. Её формой бытия в мире. Её голосом. Её руками. Её правом на жизнь.

Отсюда видно то, что выглядит иррационально: почему матери в культурах, где рождение дочери считалось несчастьем, лелеяли сыновей не как детей, а как *собственное продолжение в мужском облике*. И почему эта лелейность мгновенно оборачивалась захватом: если сын — твоя единственная форма выхода в мир, *ты никогда его не отпустишь*.

Сегодня женщины имеют голос. Имеют профессию, деньги, дом, субъектность. В теории — имеют. На практике патриархальная тень живёт не в документах, а в бессознательном. Женщина, у которой по паспорту всё есть, внутри всё ещё может быть тем самым бесправным существом, для которого сын — единственный пропуск в значимость.

И тогда современная мать, живя в XXI веке, воспроизводит аграрный сценарий. Сын — её страховка, её голос, её гордость, её статус, её поздняя любовь, её смысл. Сын — её

я, доставленное в жизнь через кого-то, кто теперь должен за всё её содержать.

Современный «культ сынули» стоит на аграрных подпорах. Они давно прогнили. Дом на них всё ещё стоит.

Трезвая пощёчина

Ваша мать, возможно, училась в университете, водит машину, руководит отделом. Но в её психике крепостное право никуда не делось. Если сын — её единственный источник значимости, она не отпустит его никогда. Не потому что злая. Потому что без него она перестаёт существовать — по сценарию, написанному за тысячу лет до её рождения.

Глава 4. Чрево и другие отражения

Искусство — место, где культура признаётся в том, в чём не признаётся вслух. То, что бытовой язык называет «любовью», искусство называет своим именем — поглощением, захватом, инцестуальной тенью. И делает так веками. Стоит прислушаться.

Миф об Эдипе мы выучили в искажённом виде. Мы запомнили только первую половину: сын, не ведая, убивает отца и женится на матери. Вторая половина забыта или вытеснена: мать, не ведая, становится женой собственного сына и рождает от него детей. Иокаста — не жертва недоразумения, как любит изображать поверхностное чтение. Иокаста — соучастница. *Её слепота — не фатум, а удобство.* Миф говорит: инцест возможен там, где обе стороны отказываются узнавать правду.

Фильм «Чрево» Бенедекта Флигауфа, 2010, — одно из самых беспощадных произведений о материнской инцестуальной тени за последние десятилетия. Женщина, потерявшая возлюбленного, клонирует его. Рождает его как собственного сына. Растит. Влюбляется в того, в ком узнаёт мёртвого. Хочет его — как мужчину. Это не фантастика. Это метафора, раскручивающая психический механизм до его логического предела: когда женщина рождает сына как замену мужчины, она рождает себе любовника. Сколько бы веков не проходило,

структура желания не меняется.

«Психо» Хичкока — другой угол того же. Норман Бейтс, живущий в расщеплении с мёртвой матерью, чей голос звучит в нём громче собственного. Мать, которая не отпустила, и после смерти. Мать, которая убивает каждую женщину, к которой сын приближается. Здесь всё доведено до буквальности: чтобы любить другую, сыну приходится убить либо мать, либо себя.

«Кэрри» Стивена Кинга — материнская религиозность как форма удержания. Тело дочери как собственность матери. Здесь объектом захвата оказывается дочь, но механизм идентичен: родительская власть, выдающая себя за любовь, чтобы прикрыть страх собственной пустоты.

Русская народная сказка богата на образы «матушки», которая то превращается в Бабу-ягу, то в мачеху, то в ведьму. Бессознательное культуры понимало: материнская фигура имеет две стороны. Светлая — рождающая, кормящая, отпускающая. Тёмная — пожирающая, удерживающая, превращающая живого ребёнка в костяную копию.

Художник обычно видит раньше. Философ — называет. Психолог — лечит. Но все трое говорят об одном и том же: у материнства есть тень, и эта тень реальна. Признать её существование — не предательство матерей. Уважение к сложности того, что такое — быть матерью.

Трезвая пощёчина

Если, читая про «Чрево», «Психо» и «Кэрри», вы подумали «какие ужасы, у нас всё не так», — вы, возможно, герой одной из этих историй. Потому что искусство показывает механизмы в концентрированной форме. В жизни та же материнская тень не доводит до клонирования и убийств. *Она просто сжигает десятилетия мужской жизни и называет это заботой.*

Глава 5. Сознательное миротворчество как оптика

Данная книга — часть более широкой работы, которую я называю философией сознательного миротворчества. У меня нет задачи здесь излагать систему целиком. Но одну её оптику необходимо назвать, потому что без неё легко прочитать книгу как боевой памфлет. А она — не памфлет.

Сознательное миротворчество начинается с одного наблюдения: большинство конфликтов человек ведёт не с тем, с кем он их ведёт. Дочь воюет с матерью, но воюет не с ней — с собственной непрожитой болью. Жена воюет со свекровью, но воюет не с ней — с собственным запретом на приоритет. Сын воюет с женой, но воюет не с ней — с собственной несепарацией. Мать воюет с невесткой, но воюет не с ней — с собственной пустотой, которую десятилетиями закрывала сыном.

Пока мы не видим настоящего адресата, мы перенаправляем войну на удобные мишени. И тогда книга вроде этой легко становится новым оружием: «Вот, я теперь знаю, что виновата свекровь». Это не то, что здесь написано.

Здесь написано другое.

Первое. Материнская инцестуальная тень — *структура*, а не злой умысел. Структуры не наказываются. Структуры

распознаются и перестраиваются.

Второе. У каждого участника этой структуры — своя рана. У матери, которая поглощает. У сына, который растворяется. У партнёрши, которая бьётся. Работа с собственной раной — единственная возможная работа. Всё остальное — подмена.

Третье. Разоблачение в этой книге — не ради унижения, а ради освобождения. Вещь, названная по имени, теряет свою магическую власть. Мать, чей механизм распознан, — больше не неуловимая сила. Сын, увидевший сценарий, — больше не его заложник. Партнёрша, понявшая структуру, — больше не сумасшедшая.

Четвёртое. Любовь, которая говорит правду в лицо, — и есть подлинная любовь. Всё остальное — вежливая анестезия, удлиняющая страдание.

Если вы будете читать дальше с такой оптикой — книга исцелит. Если будете читать её как список обвинений — книга ранит и вас, и тех, о ком вы подумаете по ходу чтения. Выбор — ваш.

Трезвая пощёчина

Никто здесь не будет вашим врагом. И никто — вашим оправданием. Хотите переложить вину на мать, свекровь, бывшего — закройте книгу, она не для вас. Хотите перестать быть заложницей или заложником структуры, которая пере-

жёвывает поколения, — читайте дальше. Пощады здесь не будет, но и предательства тоже.

Глава 6. Не физический инцест — психический

*«Поглощение всегда называет себя единением.
Это его единственное прикрытие» .*

Первое, что нужно сделать перед разговором о материнской инцестуальной тени, — освободить термин от бытового шока. Услышав слово «инцест», большинство людей переносятся в узкий коридор криминальной хроники: физическое нарушение табу, телесное насилие, статья уголовного кодекса. Этот коридор заслоняет собой более широкое и более повсеместное явление.

Инцест — не всегда про тело. Инцест — структура отношений, в которой родитель предъявляет ребёнку то, что может предъявляться только равному партнёру. Тело — лишь одна из возможных точек нарушения. Гораздо чаще нарушение происходит в других слоях — эмоциональном, энергетическом, символическом. И эти формы — не «смягчённые версии», не «почти инцест». Они и есть инцест, просто в иной плоскости.

Я буду различать три слоя.

Эмоциональный инцест. Родитель делает ребёнка эмоциональным партнёром. Поверяет ему взрослые тревоги. Ищет в нём поддержку, которую должен был получать от супруга.

Делит с ним чувства, непосильные для его возраста. Сын выслушивает мамины жалобы на отца. Сын утешает маму после ссор. Сын — «мой лучший друг», «единственный, кто меня понимает», «мой взрослый мужчина». Ребёнок становится мини-терапевтом матери. Он обязан переваривать её психику вместо того, чтобы быть ребёнком.

Энергетический инцест. Мать питается энергией сына. Его вниманием, его временем, его витальностью. Забирание не обязательно выглядит агрессией — часто через тонкие механизмы: болезненность, трагизм, одиночество, жертвенность. Но результат одинаков: сын постоянно отдаёт матери энергию, и его собственная жизнь — профессиональная, романтическая, творческая — остаётся недофинансированной.

Символический инцест. Сын занимает в психике матери позицию, структурно предназначенную для мужа. Он становится её «главным мужчиной». Её «настоящей опорой». Её «единственной любовью». Она может не произносить этого слова, но вся структура обращения построена на этой подмене.

Все три слоя взаимопроникаемы. Одно тянет другое. Но для точности надо уметь их различать, потому что путь выхода в каждом слое — свой.

И ещё одно. Психический инцест *не снимается* тем, что физического нет. Наоборот. Психическая форма коварнее именно тем, что не вызывает немедленного протеста. Тело

знает, что такое нарушение. Психика, если в ней нарушение происходит с младенчества, воспринимает его как норму. «У всех так».

Нет. Не у всех так. У всех так не должно быть.

Трезвая пощёчина

Если вам вашу мать нужно утешать после её ссор с отцом — это не близость. Если вы «её единственный мужчина», пока живой отец — не честь. Если её энергия падает, когда вы влюбляетесь, и поднимается, когда вы одиноки, — не совпадение. Структура, у которой есть имя. И вы в ней живёте.

Глава 7. Мать как неудовлетворённая женщина

За каждой инцестуальной матерью стоит не злая воля, а рана. Рану важно увидеть — не ради её реабилитации, а ради точности диагноза. Злую волю можно было бы наказать. Рану — только распознать и перестать её кормить собой.

Рана инцестуальной матери почти всегда устроена одинаково. У неё не случилось женской бытийности.

Не получилось ощутить себя желанной. Отец был холоден, отсутствовал, пил, изменял, ушёл, умер, никогда не был. Муж оказался случайным — по беременности, по возрасту, по социальному давлению. Союз не сложился в близость. Телесность не раскрылась. Сердечный союз не состоялся. Женщина, которой полагалось быть выбранной, осталась невыбранной.

Рядом с такой женщиной появляется сын. Маленькое существо, которое смотрит на неё снизу вверх с полной, неотменяемой любовью. Он не ушёл, как отец. Он не холоден, как муж. Он безусловно принадлежит ей. Он — единственный мужчина, который её не предавал.

Вот и всё. Механизм запущен.

С этой секунды она начинает проживать через сына ту женскую историю, которой у неё не случилось. Он становится

ся её возлюбленным, не сознавая этого. Её мужем, не становясь им. Её вниманием, её взглядом, её смыслом. Её *мужским зеркалом*, которое наконец-то отражает её как ту, ради кого стоит остаться.

Страшное место в психике женщины. Страшное не злобой — страшное пустотой, в которой она вынуждена жить. И, не имея сил или знания закрыть эту пустоту по-взрослому — работой, терапией, собственной женственностью, партнёрством с равным, творчеством, служением, — она закрывает её единственным доступным способом: сыном.

Важно видеть: эта женщина страдает. Её боль реальна. Её одиночество реально. Её лишения реальны. Но — и это граница, которую нельзя стереть — её боль не даёт ей права на сына. Не даёт права его занимать. Не даёт права превращать его в протез своей жизни.

Отсюда вытекает одно из самых неприятных положений книги. Жалость к такой матери — ловушка. Стоит поймать себя на «она же так страдала, как можно её оставить», как вы оказались в её механизме. Ваша жалость — её топливо. Её трагедия — её инструмент.

Подлинное уважение к её страданию выглядит иначе. Оно говорит: «Мне жаль, что у тебя не случилось женской жизни. Но я не буду её жить за тебя. Ты взрослая. У тебя есть возможность начать. Я помогу — как сын помогает матери. Не как муж помогает жене». Это — граница любви. И она, в отличие от слияния, действительно исцеляет.

Трезвая пощёчина

Ваша мать — не святая мученица. Ваша мать — не демон. Ваша мать — взрослая женщина, у которой есть рана. Рана у взрослого — его ответственность, а не ваша. Вы не обязаны быть мужем матери, потому что её муж оказался плох. Это не ваша компенсация. Это её работа. Её, не ваша.

Глава 8. Сын как компенсация мужа

Механизм компенсации стоит увидеть в деталях, потому что его невидимость — главная сила. Если мать говорит «ты мой муж», сын может возразить. Если мать ведёт себя так, как будто он её муж, возражать не на что — жестов и интонаций нет в протоколе.

Компенсация строится на нескольких опорах.

Первая опора — *эксклюзивность внимания*. Сыну полагается смотреть на мать особым взглядом. Посвящать ей лучшее время. Выбирать её среди других. Ни одна другая женщина — ни подруга, ни девушка, ни позже жена — не должна занять место её собеседницы. «Только маме ты можешь рассказать», «только мама поймёт», «только со мной ты такой настоящий».

Вторая опора — *эмоциональная интимность*. Мать делится с сыном тем, с чем взрослая женщина делится только с мужем или равной подругой. Разочарования в отце. Денежные тревоги. Страх старости. Физиологические подробности. В ходу идёт объяснение: «Ну, мы же близкие люди», — но структурно это нарушение роли. Ребёнок не должен вмещать в себя взрослую психику матери.

Третья опора — *практическое партнёрство*. Сын стано-

вится тем, кто чинит, перевозит, покупает, решает вопросы, ведёт к врачу, обсуждает квартиру. Не как взрослый помогает пожилому родителю — а как муж ведёт жену. Есть нюанс: настоящая помощь родителю имеет границы во времени и в предмете. Компенсация — тотальна и бессрочна.

Четвёртая опора — *ревность*. Мать ревнует сына к другим женщинам. Не обязательно открыто. Иногда через «объективные» оценки: «она тебе не подходит», «она какая-то странная», «она явно из тех, кто...». Иногда через холодность при появлении партнёрши в доме. Иногда через внезапное обострение всех возможных болезней. Это ревность — классическая ревность супруга. Её легко отличить от родительского беспокойства: родительское беспокойство ищет счастья ребёнка, ревность вырывает его обратно к себе.

Пятая опора — *тайная конкуренция*. Мать неосознанно сравнивает всех женщин сына с собой. И, будучи в роли матери, в этом сравнении выигрывает всегда: она была первой, она знает его дольше, она жертвовала больше. Ни одна партнёрша не может конкурировать с матерью на этом поле. Мать на том и строит своё превосходство — на неотменимости своей первичности.

Шестая опора — *совместное будущее*. Мать строит планы, в которых её старость и жизнь сына срастаются. «Когда я постарею, будешь жить со мной», «построим большой дом, чтобы всем вместе», «никогда меня не бросай». Здесь проскальзывает ключевое: жизнь сына в её планах — не его соб-

ственная жизнь, а *их* жизнь. У сына не предполагается отдельной траектории.

Каждая из этих опор в отдельности может показаться невинной. Все шесть вместе — это брак. Брак, в котором нет ни секса, ни юридического контракта, но есть всё остальное: эксклюзивность, интимность, партнёрство, ревность, конкуренция, совместное будущее. Психическое замещение супруга. Факт его отсутствия в паспорте не отменяет факта его присутствия в психике.

Трезвая пощёчина

Если вы мужчина и, читая эту главу, узнаете все шесть опор сразу, — вы женаты. Женаты на матери. Без вашего согласия, без колец, без брачной ночи, но со всеми обязанностями супруга. Никто из реальных женщин не сможет с этим браком конкурировать. Пока вы его не расторгнете.

Глава 9. Бессознательность как алиби

«Она же не специально». Эту фразу вам скажут все. Мать, если припрёте её к стене. Родственники. Друзья, которые дорожат миром больше, чем правдой. Психолог, если попался мягкий. Вы сами себе.

Фраза правдива. Инцестуальная мать, как правило, не замышляет зла осознанно. Она не садится утром за стол и не составляет план: «Как сегодня привязать сына сильнее». Всё, что она делает, она делает под прикрытием любви, и эта любовь ей самой кажется абсолютно искренней. Её слёзы настоящие. Её боль настоящая. Её «ради тебя» — тоже настоящее, в её системе координат.

Но вот парадокс, который нужно усвоить раз и навсегда: *бессознательность не смягчает механизм, а усиливает его*.

Осознанный манипулятор уязвим. Его можно поймать за руку, предъявить ему его действия, и он либо отступит, либо откажется от маски. Бессознательный манипулятор неуязвим — потому что он искренне верит в свою любовь. Любое предъявление разбивается о стену её убеждённости: «Как ты можешь такое говорить! Я же тебя люблю!» И эта убеждённость подлинна. В том-то и беда.

Механизм, работающий через бессознательное, не оста-

наваливается от указания на него. Он защищается. Женщина, которой сказать «ты ведёшь себя как жена своего сына», не признает ни одного слова. Она воспримет это как атаку, предательство, чёрную неблагодарность. Она сделает из этого новый виток удержания: «Смотри, что они все против меня, ты — единственный, кто меня не предаст». И сын, обычно не выдерживая её боли, снова закрывает её собой.

Именно поэтому апеллировать к её сознанию — почти всегда бесполезно. Одна из самых тяжёлых истин книги. Вы не переубедите инцестуальную мать. Вы не достучитесь. Вы не «поговорите по-взрослому». Не потому что она глупа или зла, а потому что её психика организована вокруг этой связи — и любое её разрушение равно для её психики концу существования. Она будет защищать этот механизм как свою жизнь. Потому что для неё это буквально — её жизнь.

Что из этого следует?

Следует одно: изменения начинаются не с неё. Изменения начинаются с вас. С сына, который видит и перестаёт быть соучастником. С партнёрши, которая видит и перестаёт биться в стену. С самой матери — только если она сама, сама, по собственному внутреннему зову, начинает видеть и работать. Но внешний толчок здесь не работает.

Бессознательность матери — её алиби перед собой и перед миром. И одновременно — её тюрьма. Оттуда её никто не сможет вытащить, кроме неё самой. Ваша задача — перестать быть её тюремщиком и её узником одновременно.

Трезвая пощёчина

Перестаньте мечтать, что однажды мать поймёт. Она не поймёт. Это не её злая воля — устройство её психики, защищающей от распада. Не тратьте жизнь на объяснения. Тратьте её на выход.

Глава 10. Любовь или использование: шесть признаков подмены

Я не предлагаю вам «узнать точно», является ли конкретная мать инцестуальной. Точных диагнозов в живых отношениях не ставят — задают ориентиры. Вот шесть признаков, которые в совокупности дают картину. Один-два из них бывают и в здоровых отношениях. Три и больше — уже структура, которую стоит рассмотреть.

Признак первый. Эмоциональное состояние матери зависит от состояния сына сильнее, чем от её собственной жизни. Когда у сына хорошо — у неё плохо. Когда у сына плохо — она оживает. Её самочувствие — производная от его занятости ею.

Признак второй. Сын обязан быть на связи. Не как любящий сын, навещающий мать в её ритме, а как муж, обязанный отчитываться. Несколько звонков в день. Непрочитанные сообщения превращаются в скандал или в молчаливую обиду. Любая недосыгаемость — повод для драмы.

Признак третий. Появление женщины в жизни сына вызывает у матери системную реакцию. Болезнь, депрессию, обострение, обиду, агрессию, слёзы. Не «пройдёт через пару недель», а стабильную, продолжающуюся симптоматику.

Женщина обозначает — и мать разворачивает фронт.

Признак четвёртый. Сын объясняет и оправдывает поведение матери перед партнёршей. «Ты не понимаешь, у неё сложная жизнь», «она не со зла», «ну что ты придираешься к пожилому человеку». Сын становится адвокатом матери против собственной жены. Структурно его лояльность принадлежит матери, а не супруге.

Признак пятый. У сына нет зоны, в которую мать не входит. Его работа, его тело, его деньги, его выбор еды, его одежда, его сон, его планы — всё попадает в её обсуждение, в её «а ты знаешь», в её совет, в её вмешательство. Отдельности нет. Личного пространства — нет. Границы — нет.

Признак шестой. Мать и сын говорят о своих отношениях в категориях исключительности. «Мы с ним такие близкие, как ни с кем». «Нас никто не понимает, только мы друг друга». «Он у меня один». «Она у меня одна». Исключительность — не нежность - маркер закрытой пары. Закрытая пара мать-сын структурно аналогична закрытой паре супругов.

Шесть признаков. Сверяйте. Не для того, чтобы поставить ярлык, а для того, чтобы знать, с чем вы имеете дело.

Важно: признаки действуют не по отдельности, а комплексом. В комплексе они собираются в узнаваемый рисунок — тот самый, который жена инстинктивно распознаёт, но не может назвать словами. Теперь у вас есть слова.

Трезвая пощёчина

Вы просматриваете список и думаете «у меня три из шести, наверное, это не так страшно». Три из шести — уже страшно. Структура развёрнута, просто ещё не все её элементы вам предъявлены. Ждите. Либо меняйте раньше, чем дождётесь.

Глава 11. Язык как программа

Слово, вложенное в ребёнка, действует как лекарство или как яд.

Прежде чем разбирать конкретные фразы, необходимо понять, почему они работают. Мы будем препарировать фразы, сказанные матерью сыну в разные годы жизни. Но любая фраза — лишь носитель. То, что внедряется через неё, называется *программой*.

Программа — это устойчивая связка: «когда происходит X, я чувствую Y и поступаю Z». Она закладывается в раннем детстве, когда ребёнок ещё не умеет отличать чужое от своего и принимает всё сказанное матерью за реальность, а не за высказывание о реальности. Именно поэтому материнские фразы, услышанные в три, пять, семь лет, не стираются логикой во взрослом возрасте. Они лежат ниже логики.

Три свойства делают материнское слово особенно мощным.

Первое — невозможность переспросить. Мать — первая и часто единственная карта мира. Ребёнок не может посмотреть, как «у других», и сравнить. То, что говорит мать, становится определением самой реальности.

Второе — эмоциональная заряженность. Мать говорит не нейтрально, а с чувством. Чувство матери — топливо, на

котором фраза врежется в психику. Чем сильнее её чувство в момент произнесения, тем глубже след.

Третье — многократность повторения. Одна и та же фраза, сказанная тысячи раз за детство, становится не высказыванием, а фоном жизни. Человек не помнит, что ему это говорили. Он помнит — как «я так чувствую», «я так устроен», «так правильно».

Поэтому, когда взрослый мужчина говорит: «Мне кажется, мать я никогда не брошу», — не всегда его любовь (чаще не она). Возможно, реплика, вложенная в него тридцать лет назад и прозвучавшая в нём сегодня как собственная мысль. Её не отличить от своей, пока она не названа. Этим мы и займёмся.

В следующих главах я буду разбирать фразы в одинаковой структуре. Сначала — что мать говорит. Потом — что на самом деле произносится сквозь эти слова, на бессознательном уровне. Потом — что закладывается в сына. Потом — как прорастает во взрослой жизни. И в конце — короткая альтернатива: как мог бы прозвучать здоровый аналог.

Структуру я не буду повторять в каждой главе. Она сквозная.

Трезвая пощёчина

Вы уверены, что большинство ваших «взрослых мужских убеждений» — ваши? Вспомните интонацию, с которой их

произносили вам в детстве. Если интонация всплывает — убеждение не ваше. Материнская программа, которую вы носите с её голосом.

Глава 12. «Ты должен»

Две коротких тяжёлых слова. В них — каркас всей инцестуальной связи.

Что мать говорит. «Ты должен быть сильным». «Ты должен слушаться мать». «Ты должен понимать». «Ты должен помогать». «Ты должен меня не расстраивать». «Ты должен — ты же мужчина». «Ты должен — ты же мой сын». Вариаций — сотни, корень один.

Что на самом деле произносится. «У меня есть право на твои действия, чувства, решения. Право — неотъемлемое, не обсуждается. Оно дано мне фактом твоего рождения и будет со мной до моей смерти. Твоя жизнь — моя инвестиция, и я получаю по ней проценты».

Слово «должен» — гениальное по своей лаконичности орудие. Оно не обсуждает. Оно не аргументирует. Оно не спрашивает согласия. Оно провозглашает долг как факт. А долг — понятие экономическое и юридическое, чуждое живой близости. В близости нет долгов, в близости есть дары. Как только в язык семьи входит «должен», близость из неё уходит — там воцаряется контракт.

Что закладывается в сына. Что он обязан. Что его «не должен» равно предательству. Что отказ от обязанности — отказ от матери и, следом, отказ от любви. Что его желания и его долг — не уравновешены, а иерархизированы: долг все-

гда сверху.

Как прорастает. Взрослый мужчина, впитавший «ты должен», строит жизнь как вереницу обязательств. Он должен матери — содержать, звонить, утешать. Он должен работе — пахать, отдавать, не спать. Он должен жене — обеспечивать, быть, делать, решать. Он должен детям — воспитывать, тянуть, оплачивать. Список никогда не заканчивается, потому что «должен» не имеет дна. Сам же для себя — он не должен никому ничего. И себе самому — тоже. Желания становятся чужими. Жизнь — сплошной задолженностью, проценты по которой невозможно выплатить.

Здоровый аналог. «Мне приятно, когда ты...». «Я прошу тебя, если сможешь». «Мне нужна твоя помощь — ты решишь сам». В этих формулировках нет контракта. Есть обращение от одного взрослого к другому. Есть место для отказа. Именно в этом месте — в возможности сказать «нет» — рождается настоящая способность сказать «да».

Трезвая пощёчина

Если слово «должен» — центральное в ваших отношениях с матерью, эти отношения — не любовь. Долговая расписка, подписанная за вас вашим рождением. Вы её не подписывали. Вы имеете право её разорвать.

Глава 13. «Я же тебя родила»

Фраза, которая открывает и закрывает любой спор. Аргумент, против которого, кажется, нет возражения.

Что мать говорит. «Я же тебя родила». «Я тебя родила в муках». «Ты у меня кровью заработан». «Я ради тебя от всего отказалась». «Я в тебя всю жизнь вложила».

Что на самом деле произносится. «Факт твоего рождения — мой труд, за который я получаю пожизненное содержание. Ты был создан как мой проект, и ты будешь возвращать мне вложение всю оставшуюся жизнь. Если ты не возвращаешь — ты неблагодарный. Если ты возвращаешь недостаточно — ты жадный. Если ты попробуешь остановить оплату — ты чудовище».

В этой фразе — превращение биологического факта в вексель. Роды — действительно событие тяжелое, болезненное, значимое. Но роды — акт, который женщина совершает *для себя*, когда решает стать матерью. Ребёнок ни о чём её не просил. Ребёнок не заказывал себе рождение. Ребёнок — не должник матери, потому что не инициировал сделку. Сделку инициировала она — с жизнью, с мужчиной, со своим выбором. Требовать от ребёнка возврата — значит перепутать дар со сделкой.

Есть и другое. Фраза «я тебя родила» содержит тонкую угрозу. Фоново в ней всегда звучит: «Я могла бы тебя не ро-

дить». Ребёнок в раннем возрасте слышит эту тень. Он слышит: «Моё существование — милость матери. Она могла бы лишить меня существования». В ребёнке закладывается глубокий страх быть живым без её разрешения. И, соответственно, невозможность быть собой без её одобрения.

Что закладывается в сына. Что факт его жизни — зам. Что он всю жизнь будет возвращать тело этой женщины, её время, её молодость, её жертву. Что его благодарность — неисчерпаема и никогда не будет достаточной. Что любая попытка жить своей жизнью — побег от кредитора.

Как прорастает. Мужчина не может принимать самостоятельные решения, не согласовав с матерью. Не может позволить себе удовольствия, радости, покоя, если мать страдает. Не может позволить себе счастья, потому что его счастье «украдено» у её жертвы. Он платит всю жизнь. Он старается, напрягается, обеспечивает, страдает — и всё равно *недостаточно*. Фраза выстроена так, что «достаточно» в ней не существует.

Здоровый аналог. Здоровая мать не проговаривает акт родов как претензию. Роды остаются её личным опытом, её встречей со своим материнством. С ребёнком она говорит не о том, *что она ему дала*, а о том, *что она ему желает*. «Я хочу, чтобы тебе было хорошо». «Я рада, что ты есть». Язык щедрости, а не долга.

Трезвая пощёчина

Вы ничего не должны матери за то, что вы родились. Она решила вас родить — её выбор и её ответственность. Вы пришли в мир без контракта. Любой контракт, который она в вас встроила, — подлог. Вы имеете право его не подписывать — даже задним числом.

Глава 14. «Никто тебя не полюбит так, как мать»

Фраза приходит обычно уже в подростковом возрасте, когда у сына начинают появляться первые романтические привязанности. Её повторяют спокойно, с грустью, как констатацию мудрости.

Что мать говорит. «Никто тебя не полюбит так, как мать». «Мать — единственная, кто любит бескорыстно». «Жёны приходят и уходят, а мать одна». «Ты запомнишь мои слова».

Что на самом деле произносится. «Я заранее дискредитирую всех женщин, которые когда-либо войдут в твою жизнь. Они будут любить тебя хуже. Ты не найдёшь подлинной любви вне меня. Сколько бы ни искал. Ты можешь искать — но ты уже знаешь, что любая найденная будет недостаточной. Только ко мне ты всегда сможешь вернуться и получить настоящее».

Под видом материнской нежности в эту фразу упакована программа саботажа всех будущих отношений сына. Она строится по простой схеме: мать заранее устанавливает эталон, который никто не может превзойти, потому что эталон — она сама. С кем бы сын ни сошёлся — он будет внутренне сравнивать эту женщину с матерью и находить её недо-

статочной. Недостаточно жертвенной. Недостаточно терпеливой. Недостаточно бесконечной. Недостаточно *ego*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.